

— Разве я когда-нибудь тебя обманывал? — Хэ Сюянь выгнул бровь.

— Хе-хе! Брат Сюянь! Ты мне даже роднее родного брата! Объявляю: отныне и вовеки ты – мой единственный настоящий брат!

Линь Цзыань обхватил ногу Хэ Сюяня и ласково потерся об нее щекой.

От такого внезапного проявления чувств Хэ Сюянь впал в ступор. Его тело буквально одеревенело.

Его руки были перепачканы липким соком личи, так что обнять Линь Цзыаня в ответ он не мог.

Но он прекрасно знал, какие чувства питает к этому юноше. Если тот потрется об него еще пару раз, контролировать определенные реакции организма станет решительно невозможно.

Застрав между желанием оттолкнуть и желанием прижать к себе, Хэ Сюянь выдавил только:

— ...Тетя Линь тебя за такие слова по голове не погладит.

Мать Цзыаня сегодня как раз жаловалась ему, что сын признает только приемного брата, игнорируя родного, и просила Хэ Сюяня вразумить его.

И вот результат: Линь Цзыань не хочет знать ни того, ни другого, а признает только его... Что ж, это просто замечательно.

— Пф, тогда я уйду жить к тебе и стану сыном тети Лян! Тетя Лян меня просто обожает! — Линь Цзыань разжал руки и гордо вскинул подбородок.

Глядя на этого сияющего, дерзкого юношу, Хэ Сюянь о чем-то подумал, и кончики его ушей незаметно покраснели.

Он кашлянул и согласно кивнул:

— Это точно. Мама любит тебя больше, чем меня, собственного сына.

В детстве Линь Цзыань был очаровательным пухляшом, который никого не стеснялся, улыбался каждому, кто брал его на руки, и всегда поддерживал разговор. Его любили все взрослые, да и сам Сюянь обожал возиться с ним.

Став старше, Цзыань остался активным, но не хулиганистым, а его умение говорить комплименты доводило тетю Лян до того, что она предлагала Линь Шувань поменяться сыновьями.

На его девятнадцатилетие она снова затянула эту песню.

Последние пару лет такие разговоры прекратились, да и о Линь Цзыане при нем она упоминала редко – видимо, догадалась о его чувствах.

Но Линь Цзыань был еще совсем юн, а сам Сюянь не проявлял себя открыто, так что подозрения матери, скорее всего, оставались лишь на уровне догадок.

Перед Линь Шувань он тоже играл свою роль идеально, подозрений не вызывал. Сначала нужно было разобраться с собственной семьей, а потом уже просить благословения.

Что касается самого Линь Цзыаня... стоит подождать еще пару лет, пока тот повзрослеет.

Сейчас Линь Цзыань смотрит на него взглядом настолько чистым и невинным, что в нем нет и намека на романтику.

Эх, путь предстоит долгий.

Они еще поболтали о всякой всячине. Когда Хэ Сюянь снова поднес к губам друга кусочек личи, Линь Цзыань мягко отстранился:

— Они холодные, больше не хочу.

— Ладно.

Хэ Сюянь преспокойно отправил плод себе в рот, ополоснул руки в ледяной воде, где лежали личи, снял перчатки, вымыл руки еще раз и вытер их полотенцем.

— Брат Сюянь, уже очень поздно, отвези меня назад, — Линь Цзыань сел в кресле по-турецки, глядя на друга.

Хэ Сюянь на мгновение замер. Положив полотенце, он поднял глаза на Линь Цзыаня:

— Поздно уже, оставайся здесь. Завтра утром дядя Ван заберет тебя отсюда, или я пришлю машину.

— А? Спать тут? — Линь Цзыань в недоумении указал пальцем на пол под ногами. — Ты что, здесь отель открыл?

Хэ Сюянь покачал головой:

— Нет. Но у меня в офисе есть комната для отдыха...

Линь Цзыань тут же перебил его, глядя с укором:

— И утром твои сотрудники будут смотреть, как я выхожу из твоего кабинета? Тебе-то, может, и все равно, а я не хочу, чтобы за моей спиной сплетничали.

Хэ Сюянь усмехнулся:

— Ты их даже не знаешь, чего бояться?

— Ладно, скажу иначе, — Линь Цзыань послушно кивнул. — Если ты хочешь быть экспонатом в зоопарке — пожалуйста, а я не хочу.

Хэ Сюянь — «...»